

УДК 947

## ИЗМЕНЕНИЯ ПАРАДИГМЫ МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ ТАМБОВСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В XX в.

© Валерий Владимирович Канищев

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия,  
доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории, e-mail: valcan@mail.ru

© Дмитрий Павлович Иванов

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия,  
кандидат исторических наук, ассистент кафедры российской истории, e-mail: valcan@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы изменений социально-экономических и непосредственно демографических причин, направлений миграций сельского населения тамбовского региона на протяжении всего XX в. Источниками написания статьи стали статистические материалы, впервые введенные в научный оборот.

*Ключевые слова:* миграция; крестьянство; занятия; «женские атаки»; «брачный рынок».

Тему миграций в истории России нельзя назвать малоизученной. Существует целый ряд исследований общероссийского характера [1–13]. Особенно отметим важную для нашей темы статью Л.И. Бородкина и Л.В. Максимова, в которой впервые в российской исторической литературе поставлен вопрос о преемственности миграционных процессов до и после 1917 г. [14].

Немало исследований подготовлено историками Центрально-Черноземного региона [15–21]. С.А. Есиков первым на региональном материале показал продолжение в 1920-е гг. дореволюционного миграционного поведения тамбовского крестьянства [17].

Однако все указанные работы хронологически ограничены. Никто пока не предпринимал попытки рассмотреть перемены парадигмы миграционного поведения крестьянства в течение всего XX в.

Другой особенностью исторической литературы по миграционной тематике является почти исключительное внимание, обращаемое на социально-экономические мотивы переселений. Из демографических предпосылок обычно отмечается аграрное перенаселение опять-таки в контексте ограниченности возможностей заниматься в родных краях сельскохозяйственной деятельностью.

Наконец, необходимо констатировать недостаточную изученность изменений конкретных направлений крестьянских миграций в XX в.

Поэтому в данной статье предполагается комплексно рассмотреть изменения и «чис-

то» демографических мотивов миграционного движения, и перемены в его пространственной направленности. Мы не претендуем на самые широкие выводы, а лишь пытаемся «вписать» особенности миграционного поведения крестьянства одного региона (Тамбовской губернии и Тамбовской области, по возможности ее отдельных уездов, волостей и районов) в общероссийский контекст.

Основным источником статьи послужили статистические материалы, которые позволяют проследить количественные характеристики миграционных процессов. Нарративные источники, позволяющие выяснять механизмы миграционного выбора, сознательно оставлены для будущих исследований.

Количественные показатели миграционных потоков из Тамбовской губернии конца XIX в. достаточно отражены в литературе. Земледельческая миграция в пореформенный период исчислялась в 300 тыс. человек. Переселение в промышленные районы из тамбовской деревни составляло около 15 тыс. человек [22]. По данным переписи 1897 г. в городах Тамбовской губернии жило свыше 55 тыс. уроженцев уездов губернии [23]. Мы видим, что эти данные были в разы меньше аграрного переселения. При этом как минимум три четверти неземледельческих мигрантов переезжали в близлежащие города своей губернии.

Традиционно в исторической литературе миграция крестьян в сельскую местность объяснялась только стремлением получить

больше земли, а переселение в города – найти рабочее место на фабрике или заводе.

В 1990-е гг. В.Л. Дьячков установил наличие циклического повторения в аграрном обществе т. н. «женских атак», т. е. резкого увеличения доли девочек среди родившихся младенцев, что через 17–20 лет приводило к резкому избытку невест. В частности, одна из таких атак пришлось на 1871–1877 гг. и вызвала соответствующие проблемы на «брачном рынке» 1890-х гг., которые, в свою очередь, порождали миграционные процессы, связанные с поиском женихов [24]. Эти наблюдения были подтверждены в ходе реализации проекта тамбовского и барнаульских историков, посвященного микромиграционным процессам из Тамбовской губернии в Алтайский округ. Было выявлено преобладание девочек в семьях тамбовских мигрантов в Алтайский округ, на конкретных материалах отдельных сел доказано, что в «переполненной» мужчинами сибирской среде почти всем приезжим девушкам удалось выйти замуж [25–28].

Возможно, упомянутая «женская атака» и ее последствия сказались и на миграции крестьян Тамбовской губернии в города. По переписи 1897 г. в сельской местности губернии жило на 80 тыс. женщин больше, чем мужчин. В городах женщин оказалось больше всего на 3 тыс., они преобладали в 7 из 13 годов региона [23].

Материалы переписи 1897 г. позволяют только предполагать масштабы неземледельческой экономической направленности переселения тамбовских крестьян в города. Сравнение данных о горожанах – крестьянах по сословию (около 125 тыс. человек) и городских жителей, занятых сельскохозяйственным трудом (около 35 тыс. человек), дает разницу в 90 тыс. человек [29]. В городах Тамбовщины постоянно проживало около 20 тыс. лиц, родившихся в других губерниях. Они, скорее всего, не имели возможности получить землю для занятий сельским хозяйством в тамбовских городах. Получается, что, как минимум, 35 тыс. уроженцев уездов губернии, поселившихся в городах, были заняты неземледельческим трудом. При этом число всех горожан, работавших на фабриках и заводах городов Тамбовской губернии (включая и коренных жителей), насчитывало не более 8 тыс. человек [30–31]. Другими

словами, крестьяне Тамбовской губернии, переселившиеся в города своего региона, в большинстве своем были заняты не в сельском хозяйстве или промышленности, а трудились в разных отраслях городской экономики.

Изданная в 1901 г. книга тамбовского статистика И.И. Молессона об отхожих промыслах в Тамбовской губернии, в частности, позволяет увидеть направления длительного отхода за пределы губернии, так сказать, предмиграции [33].

Материалы книги прежде всего демонстрируют незначительные масштабы такого отхода, когда получатели временных паспортов не возвращались домой по несколько лет, зачастую проживали в новых местах с семьями, фактически превратившись в мигрантов. Такой отход зафиксирован в 10 из 12 уездов губернии. В каждом уезде он имел место в 2–4 волостях, что составляло явно меньшую часть волостей. Только в двух уездах безвозвратный отход затронул десятки селений и тысячи человек. В остальных территориях губернии он исчислялся единичными селениями и сотнями, а то и десятками человек.

Поскольку в статье стоит задача проследить миграционные процессы в тамбовской деревне на протяжении всего XX в., мы сочли наиболее целесообразным группировать места вселения мигрантов в соответствии с современным районированием России по федеральным округам, а также большим экономическим районам бывшей Российской империи и СССР, ставших теперь ближним зарубежьем. Иначе будет невозможно сравнивать разные периоды истории, когда районирование было различным.

Применительно к сведениям И.И. Молессона о направлениях длительного отхода (табл. 1) в первую очередь следует отметить разнообразие направлений «предмиграции». На первом месте стояли губернии Центра России, главным образом Московская. Среди других Тульская упомянута трижды, Воронежская – дважды, Владимирская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тверская – однажды. Калужская, Костромская, Курская, Ярославская губернии не упомянуты ни разу. Ясно, что тамбовские крестьяне стремились заработать и постепенно остаться в богатой Москве и Подмоскovie, не стремились в холодные края севернее Москвы, соседние чер-

ноземные губернии с примерно одинаковыми условиями жизни.

Важность южного направления (включая Северный Кавказ, Закавказье, Казахстан и Среднюю Азию) может быть объяснена привлекательностью теплых краев и наличием там большого числа рабочих мест в сельском хозяйстве и переработке, не требовавших квалифицированного труда. Примерно тем же, но в меньшей мере привлекало среднее и нижнее Поволжье, главным образом Саратовская губерния.

Западное направление представлено в основном горнорудными районами Екатеринославской губернии, особенно шахтами Донбасса. По одному разу в качестве мест длительного отхода упомянуты Таврическая губерния и Одесса. Нет упоминаний Бессарабии, Царства Польского, белорусских и прибалтийских губерний.

На северо-западе тамбовских отходников, превращавшихся в мигрантов, интересовал только столичный Петербург.

Материалы И.И. Молессона позволяют в немалой мере определить и социально-экономические направления длительного отхода.

Во-первых, в 51 из 89 случаев прямо указывается на длительное проживание отходников в конкретных городах. Еще в 3 случаях речь идет о городах вообще. Упоминание губерний к северу от Тамбовской губернии как мест вселения «предмигрантов», с непривлекательными для тамбовского мужика условиями для сельского хозяйства и крайним малоземельем, косвенно свидетельствует о неземледельческом характере отхода.

Во-вторых, при указаниях мест вселения участников длительного отхода на Юге России, особенно в Области Войска Донского и Кубанской области, порой прямо указываются казачьи станицы, где требовались сравнительно дешевые рабочие руки «иногородних» крестьян. Возможно, кому-то из тамбовских крестьян показалось более привлекательным жить в качестве сельскохозяйственных рабочих на юге, нежели «маяться» с собственным малоземельным хозяйством в менее благоприятных условиях средней полосы России.

В-третьих, интересен набор упоминаний профессий участников длительного отхода: сельскохозяйственные рабочие – 16, черно-

норабочие на заводах, бурлаки, земляные работы, чернорабочие вообще) – 14, рабочие добывающей промышленности (шахтеры, «нефтяные промыслы») – 6, прислуга (официанты, дворники, «служительские должности», прислуга вообще) – 5, строительные рабочие (плотники, каменщики) – 5, квалифицированные фабрично-заводские и железнодорожные рабочие (промышленные рабочие вообще, «фабричные работы», «слесаря и мастера на заводах и ж. д.») – 3, извозчики – 2, ремесленные специальности (овчинники и портные) – 2, «торговые дела» – 2. Очевидно, что фактически переселившиеся на новые места к концу XIX в. недавние тамбовские крестьяне были востребованы в наибольшей мере опять-таки в сельском хозяйстве и на малоквалифицированной работе в сфере неземледельческих занятий.

К сожалению, для периода 1900–1910-х гг. мы не располагаем столь широким кругом источников. В основном известны материалы о земледельческой миграции тамбовских крестьян. В научный оборот давно вошло число в 100 тыс. тамбовских крестьян, переселившихся в Сибирь в период столыпинской аграрной реформы. Н.В. Токарев конкретизировал эти данные, уточнив, что 90 % переселений состоялось в 1907–1909 гг. В 1911–1912 гг. общее число тамбовских переселенцев из Тамбовской губернии в Томскую (главным образом в Алтайский округ) сократилось более чем в 10 раз. Это было связано с истощением фонда плодородных земель на Алтае, а также повышением цен на приемные приговоры в старожильческих селениях [34].

Интересны и данные Н.В. Токарева об изменениях районов водворения тамбовских крестьян за Уралом на отрезках 1860–1897 гг., 1907–1909 гг., 1911–1912 гг. Они показывают, что лидерство Западной Сибири как главного района вселения выходцев из Тамбовской губернии сохранялось на протяжении всего периода. На первом отрезке в этот регион переселялось две трети представителей тамбовского крестьянства. В начале столыпинской реформы эта доля выросла почти до 90 %, а затем, в силу указанных чуть выше обстоятельств, опять опустилась до уровня конца XIX в. Удельный вес мигрантов, вселившихся в Восточную Сибирь и на Дальний Восток в пореформенные годы, составлял около 20 %. Затем он упал вдвое, ви-

димо, в связи с завершением строительства Транссиба, куда в свое время устремилось множество крестьян из центральной России, а также в связи с организованной раздачей еще плодородных участков на Алтае. В 1911–1912 гг. значение Восточной Сибири и, в меньшей мере, Дальнего Востока как мест водворения тамбовских переселенцев вновь выросло. Но эти регионы не имели столько территорий с благоприятными для мигрантов из средней полосы Европейской России условиями проживания и ведения сельского хозяйства. Поэтому абсолютные цифры были меньше, чем в 1860–1890-е гг. Переселение же выходцев из тамбовской деревни в регион, который в источниках того времени назывался «Степной Край и Туркестан» (современный Казахстан и Средняя Азия), постоянно снижалось по своему удельному весу – с 10 % в пореформенное время до 4 % в 1911–1912 гг. В данном случае наиболее вероятно влияние проблем межнациональных отношений [35].

Один из авторов этих строк в своей кандидатской диссертации показал резкое сокращение отходничества и тем более миграций в отрезанные Гражданской войной притягательные для тамбовских крестьян районы Сибири и Юга европейской России в 1917–1920 гг. Такое явление стало одной из причин, приведших к резкому нарастанию социальной напряженности в зоне Тамбовского восстания 1920–1921 гг. [36].

Применительно к середине 1920-х гг. в литературе имеются лишь общие рассуждения С.А. Есикова о миграционных процессах в тамбовской деревне: отъезд в город молодых и физически здоровых мужчин; значительное самовольное переселение крестьян в восточные районы страны после голода начала 1920-х гг., постоянное стремление государства регулировать переселенческие процессы [37].

Более-менее конкретные данные за 1925–1926 гг. удалось выявить по волостям Тамбовского уезда, который был типичным для губернии. Количество участников разных форм миграции в сельских поселениях уезда составило более 6,5 тыс. человек, что можно считать немалым числом для времени, когда власти только разрешили дальние переселения.

Конкретное число выехавших в определенные регионы определить невозможно, т. к. в целом ряде поволостных записей регионы выселения указаны нераздельно. Но даже при неполных числах расклад по направлениям миграции очевиден (табл. 2).

Таблица 1  
Число упоминаний направлений  
длительного отхода крестьян  
Тамбовской губернии в конце XIX в.

№ п/п	Регион	Число / % упоминаний
1.	Западные губернии и области Российской империи	9 / 10
2.	Северо-Запад России	3 / 3
3.	Центр России	30 / 33
4.	Поволжье	15 / 16
5.	Урал	0 / 0
6.	Сибирь	1 / 1
7.	Дальний Восток	0 / 0
8.	Юг России	21 / 23
9.	Северный Кавказ	4 / 5
10.	Закавказье	2 / 2
11.	Казахстан и Средняя Азия	6 / 7
	<b>Итого</b>	89 / 100

Источник: [33].

Таблица 2  
Минимальное число крестьян  
Тамбовского уезда по направлениям  
миграции в 1926–1927 гг.

№ п/п	Регион	Число / % известных по направлению выезда мигрантов
1.	Западные республики СССР	0 / 0
2.	Северо-Запад России	0 / 0
3.	Центр России	0 / 0
4.	Поволжье	77 / 2
5.	Урал	0 / 0
6.	Сибирь	3809 / 94
7.	Дальний Восток	68 / 2
8.	Юг России	52 / 1
9.	Северный Кавказ	0 / 0
10.	Закавказье	0 / 0
11.	Казахстан и Средняя Азия	31 / 1
	<b>Итого</b>	4037 / 100

Источник: ГАТО. Ф. Р-1097. Оп. 1. Д. 104. Л. 1-4.

Более 90 % переселенцев из Тамбовского уезда пришлось на Сибирь. К сожалению, в источнике почти не содержится конкретизации расклада по губерниям и областям Сибири. Только в нескольких десятках случаев в качестве мест вселения названы Омская и Томская губернии, т. е. традиционные для вселения тамбовских крестьян южные регионы Западной Сибири.

Традиционными регионами притяжения для крестьян Тамбовской губернии также были Поволжье и Юг Европейской России, в меньшей мере Дальний Восток, Казахстан и Средняя Азия.

Вероятно, в источнике зафиксировано только земледельческое переселение крестьян Тамбовского уезда. Иначе трудно понять полное отсутствие данных о миграциях в Центрально-Промышленный регион Европейской России и промышленные районы Украины. Но можно твердо говорить о том, что к середине 1920-х гг. тамбовские крестьяне восстановили дореволюционную направленность миграционного движения в первую очередь как аграрного.

Приведенные нами данные вполне соответствуют выводам Л.И. Бородкина и С.В. Максимова, сделанным на общероссийском материале. Эти авторы показали, что в середине 1920-х наиболее крупными регионами вселения были Сибирь, Дальний Восток, Казахстан, Крым и Северный Кавказ. Напротив, максимальное преобладание крестьянского выезда над въездом было присуще Белорусскому и Центрально-Черноземному регионам. Л.И. Бородкин и С.В. Максимов также обратили внимание на преемственность в развитии миграционных процессов в до- и послеоктябрьское время, преемственности, прослеженной на примере трех крупнейших регионов-потребителей миграционных потоков – Сибири, Казакской АССР и Северного Кавказа [14]. Позволим себе пояснить только один момент. Упомянутые авторы широко понимают такие регионы, как Казахстан и Северный Кавказ. Мы полагаем излишним подчеркнуть, что местами въезда для тамбовских, как и других русских крестьян, внутри этих больших регионов были заселенные русскоязычным (или шире славяноязычным) населением Донская и Кубанская области Ставропольской губернии, северные районы Казакской АССР, а не гор-

ские районы Северного Кавказа, нерусские по населению районы среднего и южного Казахстана, Киргизия.

Сведения середины 1920-х гг. по одному из уездов Тамбовской губернии подтверждаются, хотя и не совсем прямо, данными за 1927–1928 гг. о миграции в ЦЧО, типичной составной частью которой являлась тогда бывшая Тамбовская губерния. В тот хозяйственный год из региона переселилось за Волгу, особенно в Сибирь, в 5 раз больше крестьян, чем в города самого Центрального Черноземья [38].

Особенностью переселенческого движения населения Тамбовского уезда в 1925–1926 гг. стало значительное число миграционных перемещений внутри Тамбовской губернии – около 800 случаев переселения за пределы своей волости и даже уезда и более 800 случаев перемещений внутри своей волости. В дореволюционный период такие перемещения были возможны только в период столыпинской аграрной реформы и, соответственно, при условии регулирующего вмешательства государства в общинные дела. Советские власти, организуя землеустроительные работы, связанные с переселениями жителей крупных сел в новые мелкие поселения, фактически возвращались к такой политике.

К концу 1930-х гг. установились формы отчетности областных статистических управлений о прибытии и выбытии граждан области. Эти формы, хотя и видоизменялись в последующие десятилетия советской истории, всегда содержали сведения о количестве мигрантов из сельской местности с указанием распределения по полам и регионам СССР, куда выбыли граждане из своей области.

К сожалению, по концу 1930-х гг. мы располагаем данными только о миграционных процессах по городу Тамбову за 1937 г. [39]. В частности, эти данные свидетельствуют о том, что из тамбовских сел в областной город переселилось немногим более 11 тыс. человек. По данным переписи 1897 г. в Тамбове жило свыше 17 тыс. уроженцев уездов Тамбовской губернии. Понятно, что эти люди переселились в губернский центр за многие предшествующие годы. В 1937 г. мы имеем данные о мигрантах из села в тот же город за один год. Думаем, что эти цифры говорят о высокой, во всяком случае сопос-

тавимой с дореволюционной, миграционной мобильности сельского населения Тамбовской области конца 1930-х гг. в только что образовавшийся областной центр, несмотря на серьезные паспортные ограничения того времени для селян, особенно колхозников.

Материалы статуправления позволяют выяснить половой, возрастной и даже социально-профессиональный состав мигрантов из села в Тамбов, а также цели их прибытия в областной город.

Половой состав переселенцев свидетельствует о преобладании мужчин. Даже в предбрачных и брачных возрастах их было большинство. Вполне вероятно, это было связано с тем, что очередная «женская атака» 1927–1933 гг. еще не отразилась на состоянии «брачного рынка».

По социально-профессиональному статусу среди сельских жителей, переселившихся в Тамбов из всех территорий СССР (большинство из Тамбовской области – 11 тыс. из 16 тыс. человек) в 1937 г. преобладали «рабочие» – свыше 4 тыс. человек, или более 25 %. В сельской местности области не было значительного числа промышленных предприятий (при самых максимальных подсчетах численность фабрично-заводских и «прочих» рабочих в тамбовских селах не превышала 30 тыс. человек). Трудно предположить, что огромная часть рабочих фабрик и заводов, расположенных в сельской местности Тамбовской области, в течение одного года «снялась с места» и двинулась в Тамбов. Маловероятно, что в данном случае имеются в виду только рабочие совхозов, которых также было сравнительно мало в Тамбовской области. Более вероятным было бы предположение о том, что среди прибывших из сельских местностей «рабочих» было немало жителей других регионов, тянувшихся в «сытую» Тамбовскую область.

В любом случае, это были не колхозники, которые выделены в источнике отдельной строкой – почти 2 тыс. человек, или примерно 12 % от прибывших в Тамбов селян.

В 1937 г. в Тамбов из сел приехало почти 3,5 тыс. служащих, или почти 20 % от всех сельских мигрантов. При этом менее трети из них приехало в командировку или в отпуск. Более 1 тыс. выходцев из служащих прибыло в областной центр на учебу (среди «рабочих» только 172 человек). Но всего прибывших на

учебу в областной центр оказалось свыше 4 тыс. человек, что свидетельствовало о принципиально новом для села явлении. Такого массового выезда на учебу в принципе не могло быть в традиционной деревне.

Напротив, переезд крестьян в город к ранее поселившимся здесь родственникам (в нашем случае около 1,2 тыс. человек, или около 8 % сельских мигрантов) был традиционным явлением, связанным с коллективным переживанием конкретными семьями трудных для них периодов.

Хотя миграция селян в областной город в 1937 г. по социально-профессиональной направленности была разнообразной, все-таки среди переселенцев преобладали прибывшие на работу – почти 7 тыс. человек. Другое дело, что при немногочисленности промышленных предприятий в Тамбове в это время они поступали не только на фабрики и заводы.

К сожалению, выявленные нами статистические материалы 1937 г. не содержат сведений о переселении тамбовских крестьян за пределы области. Такие данные выявлены нами применительно к 1951 г. [39, д. 2538, л. 1-3]. Хотя эти данные не разделены по выехавшим из городов и сел, есть немало общеисторических оснований говорить о том, что за пределы Тамбовской области выезжали главным образом жители сельской местности. При этом тамбовские мигранты переезжали в большинстве своем в города. Число переселившихся в городские поселения почти в 7 раз превысило число мигрантов в села других регионов. Эти цифры убедительно говорят о том, что в послевоенный период традиционная земледельческая направленность переселенческого движения тамбовского крестьянства окончательно отошла на второй план и сократилась до минимальных значений – с 20 тыс. человек в год в столыпинский период до 2 тыс. в год в 1951 г. Даже если учесть, что за четыре с лишним десятилетия территория бывшей Тамбовской губернии сократилась вдвое, а численность сельского населения более чем в 2 раза, в процентном отношении получается, что в 1907–1912 гг. в земледельческой миграции ежегодно участвовало 0,7 % сельских жителей Тамбовской губернии, а в 1951 г. – немногим более 0,1 % всех жителей Тамбовской области.

Коренным образом в сравнении с началом XX в. и серединой 1920-х гг. к 1951 г. изменилась направленность миграционного движения тамбовского крестьянства (табл. 3). Преобладавшие ранее сибирское, южное, дальневосточное, поволжское направления в 1951 г. вобрали только треть мигрантов из Тамбовской области. При этом в сельскую местность переселилась шестая часть мигрантов в эти территории.

С другой стороны, чуть более трети лиц, переселившихся из Тамбовской области в иные территории, перебрались в Центральные области Европейской части СССР. Почти половина из этого числа людей поселилась в Москве и Подмосковье. Если учесть, что еще около 2 тыс. тамбовских жителей мигрировали в Ленинград, Горький, Куйбышев, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Саратов, Сталинград, Челябинск, то можно утверждать о тяге тамбовчан, главным образом крестьян, в крупные города России, где можно было бы устроиться на большие, особенно оборонные, предприятия и легче пережить трудные послевоенные времена.

На втором месте по числу принявших переселенцев из Тамбовской области стояли западные территории СССР (Украина, Молдавия, Белоруссия, республики Прибалтики, Калининградская область). Движение тамбовских уроженцев на Украину, особенно в промышленные Ворошиловоградскую и Сталинскую (современную Донецкую) области, можно связать с давней традицией тамбовских крестьян подрабатывать в отходе, а затем переселяться в тамошние районы добывающей промышленности. Переселение в остальные территории Запада СССР, вероятнее всего, было связано с регулируемым государством направлением трудовых ресурсов из непострадавших непосредственно от войны регионов на восстановление разрушенных территорий, заселение вновь присоединенных или освобожденных в процессе депортации местного населения земель. Мы имеем в виду Калининградскую и Крымскую области, куда переселилось более 600 тамбовчан. Эти территории формально относились к РСФСР, но фактически были далеки для тамбовских жителей западными и юго-западными краями.

Примерно одинаковое количество тамбовских переселенцев – по 1–1,5 тыс. чело-

век – приняли Северо-Западный и Уральский регионы. Движение на северо-запад оставалось во многом связанным с традиционным для многих тамбовчан поселением в Ленинграде (бывшем Петербурге) и его области. Относительно массовая миграция выходцев из тамбовского региона на Урал в 1951 г. зафиксирована впервые, если сравнивать с первыми десятилетиями XX в.

Значимым представляется то обстоятельство, что очень мало тамбовских жителей мигрировало на Северный Кавказ, в Закавказье, Казахстан и Среднюю Азию. Видимо, дело было не только в тяге крестьян Тамбовской, как и других областей Центральной России, в южные более теплые и сытые края, но и в «чисто» демографических причинах. В перечисленных регионах с огромным преобладанием этнически и конфессионально весьма далекого от русских населения почти невозможно было решить проблему недостатка женихов, которая в конце 1940-х – начале 1950-х гг. вновь обострилась в Тамбовской области.

Из сведений о распределении прибывших в Тамбовскую область в 1951 г. видно, что при общем соотношении среди них мужчин и женщин как 2 к 3 в предбрачных и особенно брачных возрастах это соотношение «в пользу» женщин было более чем двукратным. Половину прибывших на новые места составляли сельские жители самой Тамбовской области. Очевидно, что проблема была не только тамбовской. Среди вновь прибывших отмечены сотни выходцев из сел Рязанской, Московской, Пензенской, Саратовской, Воронежской областей.

При этом вряд ли можно говорить только о тяжелых последствиях Великой Отечественной войны. Мужчин-мигрантов 1922–1926 годов рождения, среди которых могло быть немало неженатых к 1951 г. и уж почти все из которых являлись участниками войны, оказалось больше, чем переехавших в область женщин соответствующих возрастов. А вот среди мигранток 1927–1933 годов рождения, как раз предбрачных и брачных возрастов, было значительно больше их сверстников, не участвовавших в войне. Наиболее вероятная причина такого дисбаланса – очевидная «женская атака» именно 1927–1933 гг., естественные последствия которой были отягощены войной. Многие потенциальные же-

нихи 1922–1926 годов рождения погибли на фронте и, к тому же, в немалой мере перебрались из сел в города. Получается, что потенциальные невесты вынуждены были мигрировать вслед за возможными будущими супругами.

Судя по всему, в тамбовских городах недостаток женихов был ощутимым, и сельские молодые женщины стали, так сказать, обращаться на всесоюзный «брачный рынок».

Имеющиеся в нашем распоряжении статданные по полам не распределены на переселенцев внутри и за пределы области. Но, учитывая рассмотренные ранее обстоятельства, можно уверенно предположить, что женщины определяли и внешнюю миграцию за пределы области. Из Тамбовской области в 1951 г. в города других регионов выбыло более 15 тыс. человек, только 2,5 тыс. – в города самой области. Так вот, среди всех этих мигранток уроженки 1927–1933 гг. заметно превосходили число сверстников-мужчин (для уроженцев 1927–1931 гг. – в 2 с лишним раза). Очевидно, что тамбовские невесты, главным образом сельские, отправились искать свое счастье в городах других регионов страны.

В 1950–1960-е гг. принципиальных изменений в географических и социально-экономических направлениях миграционного движения крестьянства Тамбовской области не произошло (табл. 4–5). По-прежнему стремление переехать в города значительно превышало переселение в другие сельские местности – в 1960 г. в другие села переехали около 7 тыс. тамбовчан, а в города – 28 тыс. человек. В 1970 г. соотношение составило 8,5 и 18 тыс. При этом в города других областей, краев, республик СССР из Тамбовской области переселилось в 1960 г. 16 тыс. человек против 12 тыс. в города самой области, в 1970 г. эти цифры соотносились как 14 тыс. человек и 4 тыс. [39, д. 4655, л. 2об.; д. 7512, л. 2 об.].

В 1950–1960-е гг. среди географических направлений миграции тамбовских крестьян продолжал лидировать Центр Европейской России, в первую очередь Москва и Московская область. На последних местах в качестве зон притяжения мигрантов из тамбовского села оставались Северный Кавказ, Закавказье, Казахстан и Средняя Азия. Доля осталь-

ных крупных регионов СССР изменялась в течение 1950–1960-х гг. в пределах 5 %.

В 1960 г. соотношение выбывших из области мужчин и женщин предбрачных и брачных возрастов, по-прежнему главным образом селян, оказалось примерно равным. Видимо, это произошло потому, что несильная «женская атака» 1955–1962 гг. никак не могла сыграть своей роли. Не могла она очень заметно сказаться и в 1970 г. Но в этом году женщин соответствующих возрастов среди мигрантов из области стало значительно больше, чем мужчин. Вероятно, больший

Таблица 3  
Число жителей Тамбовской области по направлениям миграции в 1951 г.

№ п/п	Регион	Число мигрантов / %
1.	Западные республики и области СССР	2783/14
2.	Северо-Запад России	1645/9
3.	Центр России	6435/34
4.	Поволжье	1560/8
5.	Урал	1067/6
6.	Сибирь	1370/7
7.	Дальний Восток	1985/10
8.	Юг России	1370/7
9.	Северный Кавказ	131/0,5
10.	Закавказье	303/1,5
11.	Казахстан и Средняя Азия	519/3
	<b>Итого</b>	<b>19168/100</b>

Источник: ГАТО. Ф. Р-3688. Оп. 1. Д. 2538. Л. 1-3.

Таблица 4  
Число жителей Тамбовской области по направлениям миграции в 1960 г.

№ п/п	Регион	Число/ % мигрантов
1.	Западные республики и области СССР	2161/11
2.	Северо-Запад России	1423/7
3.	Центр России	5584/28
4.	Поволжье	1777/9
5.	Урал	2111/10
6.	Сибирь	2355/12
7.	Дальний Восток	1074/5
8.	Юг России	1969/10
9.	Северный Кавказ	75 /0,5
10.	Закавказье	114/0,5
11.	Казахстан и Средняя Азия	1528/7
	<b>Итого</b>	<b>20171/100</b>

Источник: ГАТО. Ф. Р-3688. Оп. 1. Д. 4655. Л. 1-3об.



выезд сельских девушек, родившихся в конце 1940 – начале 1950-х гг., связан с заметной механизацией сельскохозяйственного труда в 1960-е гг., которая в большей мере требовала работников-мужчин.

К сожалению, для периода 1970–1990-х гг. нам не удалось выявить статистических данных о миграционных процессах в области, сопоставимых по форме с данными предшествующих десятилетий. Поэтому можно говорить только о тенденциях механического движения сельского населения Тамбовской области в последней трети XX в.

Для первой половины 1980-х гг. мы имеем сведения лишь о миграции в города области [40]. Так, в 1980 г. в Тамбов переселилось 13 тыс. человек, что сопоставимо с приводившимися выше аналогичными данными за 1937 г. и не отличалось принципиально от цифр последующих десятилетий. Сведения 1984 г. о распределении по полам прибывших в города области свидетельствуют о том, что в предбрачных возрастах (16–19 лет) девушек было вдвое больше юношей, а в брачных (20–24) – на 50 %. Если для второй группы преобладание женщин среди мигрантов можно объяснить «слабой» женской атакой 1955–1962 гг., то для младшей группы следует искать другие причины. Вероятнее всего, они, как и для мигрантов 1970 г., связаны с большей необходимостью для девушек искать работу и учебу в городах.

Данные 1990 г. говорят о том, что масштабы миграции из сел Тамбовской области соответствовали порядку цифр предыдущих десятилетий – 18 тыс. человек. Однако к середине десятилетия показатель сокращался (минимум в 1993 – менее 11 тыс., в 1995 – 12,5 тыс. человек) [41]. Такое снижение можно объяснить тем, что сельские жители традиционно стремились пережить сложные времена, сидя на месте, осторожно относясь ко всяким резким и не совсем понятным изменениям в городах. К началу 2000-х гг. тамбовское крестьянство, видимо, еще широко не включилось в поиски лучшей жизни в городах. В 2002 г. вся миграция (и городская, и сельская) из Тамбовской области насчитывала немногим более 16 тыс. человек [42].

В целом можно утверждать, что в течение XX в. парадигма миграционного поведения тамбовского крестьянства изменилась коренным образом. В начале столетия явно

преобладала направленность на сельскохозяйственное переселение. Обстоятельства Первой мировой и Гражданской войн крайне ограничили возможности переселений на новые земли востока и юго-востока России. Однако в середине 1920-х традиционная направленность аграрной миграции тамбовских и других крестьян сельскохозяйственных областей СССР восстановилась.

Пока трудно сказать точно, когда эта направленность перестала быть преобладающей. Можно с большей долей вероятности утверждать, что это произошло в период коллективизации, когда государство взяло почти все земли под свой контроль и не допускало самовольных переселений, еще многочисленных в 1920-е гг. И все-таки требуется более тщательное изучение механического движения сельского населения в 1930-е гг.

Но уже сейчас на основе тамбовских материалов можно твердо сказать, что после Великой Отечественной войны крестьяне сельскохозяйственному переселению явно предпочитали переезд в города и другие промышленные местности. При этом миграция селян в города самой Тамбовской области явно уступала выезду в городские поселения других регионов СССР. Таким образом, с 1950-х гг. наблюдалась картина миграционных процессов в тамбовском селе, прямо противоположная картине начала века.

Таблица 5  
Число жителей Тамбовской области по направлениям миграции в 1970 г.

№ п/п	Регион	Число/ % мигрантов
1.	Западные республики и области СССР	1512/10
2.	Северо-Запад России	1343/9
3.	Центр России	5270/36
4.	Поволжье	2059/13
5.	Урал	918/6
6.	Сибирь	837/6
7.	Дальний Восток	706/5
8.	Юг России	1297/9
9.	Северный Кавказ	153/1
10.	Закавказье	248/2
11.	Казахстан и Средняя Азия	421/3
	<b>Итого</b>	<b>14764/100</b>

Источник: ГАТО. Ф. Р-3688. Оп. 1. Д. 7512. Л. 1-3.

Тенденция первых послевоенных лет, как свидетельствуют сопоставимые статистические данные, проявлялась как минимум до 1970 г. Нет никаких документальных и логических оснований утверждать, что она не продолжалась в 1970–1980-е гг. Но для ее более убедительного обоснования требуется выявление точных данных, аналогичных статистическим формам о прибытии и выбытии населения области периода 1930–1960-х гг.

Немногочисленные, но убедительные статистические материалы говорят о том, что с 1930-х гг. помимо трудовой миграции появился совершенно не свойственный прежде массам крестьян мотив переселения в города – выезд на учебу.

Помимо социально-экономических причин миграцию крестьянского населения в XX в. продолжали определять «чисто» демографические обстоятельства. В частности, нам удалось выявить влияние «женских атак» 1927–1933 и 1955–1962 гг. на значительное преобладание среди мигрантов девушек предбрачных и брачных возрастов, «лишних» невест на сельском «брачном рынке».

Конечно, только статистические данные не позволят понять многих существенных миграционных процессов, особенно внутренние мотивы переселенцев. Но и при наличии только статистической источниковой базы можно твердо говорить, что во второй половине XX в. модель миграционного поведения тамбовского крестьянства перестала соответствовать традициям аграрного общества. И все же процессы 1990-х гг. показали сохранение свойственной многим поколениям крестьян осторожности в переселении на новые места в «лихие» времена.

1. *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1896.
2. *Кауфман А.* Община, Переселение, Статистика: сборник статей. М., 1915.
3. Итоги переселенческого движения с 1910 по 1914 гг. / сост. Н. Турчанинов, А. Домрачев. Пг., 1916.
4. *Кабузан В.М.*, Изменения в размещении населения России в 18 – первой половине 19 в. М., 1971.
5. *Платунов Н.И.* Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июль 1941 гг.). Томск, 1976.

6. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977.
7. *Тихонов Б.В.* Переселения в России во второй половине XIX века. М., 1978.
8. *Шелестов Д.К.* Демография: история и современность. М., 1983.
9. *Якименко Н.А.* Аграрные миграции в России (1861–1917 гг.) // Вопросы истории. 1983. № 3.
10. *Брук С.И., Кабузан В.М.* Миграции населения в России в XIII – начале XX вв. (Численность, структура, география) // История СССР. 1984. № 4.
11. *Вишневецкий А., Зайончковская Ж.* Миграция из СССР: четвертая волна. М., 1991.
12. Миграция населения. М., 1992.
13. *Кабузан В.М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М., 1998.
14. *Бородин Л.И., Максимов С.В.* Пространственные аспекты крестьянских миграций в России: информационный потенциал Всесоюзной переписи 1926 г. // Социально-демографическая история России XIX–XX вв. Современные методы исследования. Тамбов, 1999. С. 44-59.
15. *Курцев А.Н.* Миграция центрально-черноземного крестьянства в капиталистической России (по материалам Курской губернии): автореф. дис ... канд. ист. наук. Курск, 1982.
16. *Курцев А.Н.* Миграция сельского населения Центрального Черноземья в конце XIX века // Проблемы исторической демографии и исторической демографии Центрального Черноземья. Москва; Курск, 1994. С. 125-134.
17. *Есиков С.А.* Переселения тамбовского крестьянства как средство преодоления аграрного переселения (1860–1820-е гг.) // Там же. С. 142-149.
18. *Матюхин Л.П., Платунов Н.И.* Трудовые миграции сельского населения Центрально-Черноземного и Западного регионов РСФСР в 1920-е гг. // Там же. С. 210-220.
19. *Тереценко А.А.* Переселение украинцев на территорию Курского края во второй четверти XVIII в. // Проблемы исторической демографии и исторической демографии Центрального Черноземья и Запада России. Москва; Брянск, 1996. С. 62-64.
20. *Аникин В.В.* Влияние «хрущевской оттепели» на географию миграционной динамики колхозного населения Черноземного Центра // Там же. С. 170-172.
21. *Горбачев О.В.* Особенности формирования урбанистических стандартов в миграционном поведении сельских жителей Запада России (1950–1970-е гг.) // Там же. С. 173-176.
22. Страницы истории Тамбовского края. Воронеж, 1986. С. 65.

23. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 42. Тамбовская губерния. Спб., 1904.
24. *Дьячков В.Л.* Природно-демографические циклы как факторы российской истории, XIX – первая половина XX вв. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Тамбов, 2002. С. 17-31.
25. *Владимиров В.Н., Канищев В.В.* Проект «Микромиграционные процессы в Российской Евразии второй половины XIX – начала XX в. (Тамбовская губерния – Алтайский округ)»: первые итоги реализации // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». М., 2002. № 30. С. 193-195.
26. *Владимиров В.Н., Силина И.Г.* Масштабы переселения Тамбовских крестьян в Алтайский округ, конец XIX в. // VIII Державинские чтения. Тамбов, 2003. С. 134-135.
27. *Канищев В.В.* Демографические и социально-экономические последствия переселения тамбовских крестьян на Алтай в 1880-е – 1910-е гг. (Поселенный и волостной уровни) // Российское крестьянство в XIX–XX вв. Тамбов, 2004. С. 80-102.
28. *Силина И.Г.* Внешние миграции в Алтайский округ в 1865–1905 гг. (Источники и методы исследования): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002.
29. *Акользина М.К., Канищев В.В., Стрекалова Н.В.* Урбанизация и втягивание крестьян в неземледельческие занятия. Тамбовская губерния, конец XVIII – начало XX вв. // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. XXX сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 2006.
30. Ремесленники и ремесленное управление в России. Спб., 1910. С. 32-33.
31. Обзор Тамбовской губернии за 1898 год. Тамбов, 1899. С. 13.
32. Обзор Тамбовской губернии за 1904 год. Тамбов, 1905. С. 44.
33. *Моlessон И.И.* Краткий очерк некоторых данных об отхожих промыслах в Тамбовской губернии в 1899 г. Тамбов, 1901.
34. *Токарев Н.В.* Регулирование миграций тамбовских крестьян в годы столыпинской аграрной реформы // Власть и общество в России: история, современность, перспективы. Тамбов, 2003. С. 112-119.
35. *Токарев Н.В.* Миграционные связи Тамбовской губернии в период столыпинской аграрной реформы: опыт создания электронной базы данных // Там же.
36. *Иванов Д.П.* Предпосылки и мотивы участия крестьян в Тамбовском восстании 1920–1921 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009. С. 80-81.
37. *Есиков С.А.* Крестьянское хозяйство тамбовской губернии в годы НЭПА (1921–1928 гг.). Тамбов, 2004. С. 19.
38. Центрально-Черноземная область. Справочная книга. Воронеж, 1929. С. 99-100.
39. ГАТО (Гос. арх. Тамбовской области). Ф. Р-3688. Оп. 1. Д. 58. Л. 7-9.
40. Численность, естественное движение и миграции населения области в 1984 году. Тамбов, 1985.
41. Тамбовская область в 1995 году. Стат. сборник. Тамбов, 1996. С. 36.
42. Социально-экономическое положение Тамбовской области, январь-декабрь 2002 года / Госкомстат России, Тамб. обл. ком. гос. статистики. Тамбов, 2003. С. 316-317.

Поступила в редакцию 6.12.2010 г.

UDC 947

CHANGES IN PARADIGM OF MIGRATION BEHAVIOR OF TAMBOV PEASANTRY IN 20<sup>TH</sup> CENTURY

Valeriy Vladimirovich Kanishchev, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia, Doctor of History, Professor of Russian History Department, e-mail: valcan@mail.ru

Dmitriy Pavlovich Ivanov, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia, Candidate of History, Assistant of Russian History Department, e-mail: valcan@mail.ru

The article scrutinizes the questions of social and economical changes and ingeniously of demographical reasons, directions of migrations of rural population of Tambov region in 20<sup>th</sup> century are scrutinized. The sources of the article are become the statistical materials presented into scientific world for the first time.

*Key words:* migration; peasantry; occupations; “women attacks”; “marriage market”.